

28 окт, 1981г.

ХОТЯ актер Юрий Овсянко достаточно молод, ленинградцы знают его давно. Помнят еще студентом на сцене ТЮЗа, потом много лет актером Театра имени В. Ф. Комиссаржевской. Здесь он много и интересно играл: от роли лукавого и озорного, заразительно веселого Тома Кенти в «Принце и нищем» до наивного, простодушного, широко улыбающегося солдата Швейка, здоровыслие которого снимало последнее прикрытие с бессмыслицы окружающего. Органичная, умная игра, хорошая школа, точная современность манеры исполнения — все это обеспечивало молодому актеру безоблачное будущее. Но Ю. Овсянко этого было мало. Появились сомнения, вопросы, нравственные и творческие, все это копилось в душе, искало выхода. Так начался диалог актера с самим собой.

Однако вечно оставаться собственным собеседником нельзя. Нужно с кем-то спорить, с кем-то соглашаться, у кого-то учиться и кого-то учить. Видимо, поэтому пришел зрелый профессионал в театр-студию, недавний самостоятельный коллектив. Предельно обобщенные формы спектаклей Молодежного театра — и тонкое, точное актерское прорисовывание драматических характеров у Овсянко. Как это сочетается? Актер тверд в принципах психологического реализма, ни от одного из своих достижений он не отказался. Но и режиссер Владимир Малыщцкий, монтируя спектакль из эпизодов — кусков реальной действительности, дорожит высокой степенью жизненной достоверности, которую может принести на сцену актер типа Овсянко. Забираясь в самые дальние психологические глубины, Овсянко увлекает за собой своих партнеров, находит пути чисто актерского воплощения мысли. Работа с товарищами — студийцами помогает ему снять устоявшиеся театральные напластования и посмотреть на жизнь с неожиданной, дерзкой точки зрения. Они нужны друг другу — Молодежный театр и актер Юрий Овсянко.

Овсянко создает абсолютно живой и цельный характер. Во всяком случае, в лучших, удачных спектаклях он все делает от имени персонажа, ни на секунду не прерывая его внутреннего жизни. Вот он — полудик Стась в «Сотникове» (спектакль-притча по повести В. Быкова, сценическая композиция и постановка В. Малыщцкого) присутствует при допросе пленных. Стась здесь

вовсе не главная фигура, он сидит в стороне и только внимательно наблюдает, иногда включаясь в действие. Только наблюдает, только смотрит, но какой жуткий, цепкий и острый взгляд стевятника у этого негодяя. В актерском воплощении этого характера все черно-белое, все прямое, и Овсянко играет тут в полную силу справедливости и честности, с болью и строгостью.

Ну, а как же актерские полутона, психологическая мягкость, врожденные и выработанные, столь привлекательные прежде в игре Овсянко? Мож-

ответствии с наивностью застывших в этом взгляде вопросов, потом он все больше понимает наивность, уходит. Герой Овсянко мудреет: он уже у всех попросил совета, в том числе и у зрителей, все советы выслушал, принял к сведению, иронически оценил их действительность. Дошло до него, наконец, почему он законченный неудачник — был, есть и останется таковым, какое же правительство ни разоблачал, с какой бы ноги ни шагал. В обществе, в котором живет господин Мокиньпott, быть человеком — уже значит быть не-

надо им, людям, за это мстить беспощадно. И при этом палач во всех ищет союзников, страстно хочет доказать себе и окружающим, что он такой, как все. Подлец, конечно, негодяй, конечно, от этого не спрячешься, да все, все такие, быть другим не может. «Ведь не может?» — мучительно выпытывает он, вглядываясь в зал, ища понимания, ища сочувствия. И в живом, родном тепле жены ищет он утешения — животного, мужичьего и беспомощного, детского. Аграфена — Н. Усатова, с безграничной бабуей добротой не только оправдывает мужа, но и принимает часть вины его на себя: ведь за нас, мол, за семью на душегубство пошел. Она единственная признает его права человека, мужа, она своей любовью пылается вернуть ему эти права. Но Фролову уже ничем нельзя помочь. Отталкивая от себя жену, кричит Фролов — Овсянко надрывно, хрипло и жалко: «Не могу, Феня, до тебя коснуться!» Это последняя попытка остаться

или хоть показаться человеком. Они вообще даны герою только в сценах с женой и тюремщиком. Потом Фролов выйдет на свою единственную встречу с народовольцем Лизогубом трезвым, напряженно четкий в традиционной красной рубашке, они встретятся, чтобы выполнить свои основные социальные роли: палача и жертвы. Но мертвенно-бледное лицо Фролова — Овсянко тоже обернется лицом жертвы: казнь Лизогуба, он пойдет и на собственную казнь.

Роль Фролова показала неожиданные стороны дарования Юрия Овсянко. Сегодня ему, вероятно, близок Достоевский, традиция Достоевского в русском театре. Злому и постыдному в героях актер противопоставляет нравственный идеал. Этот противовес явственно ощущен даже в сугубо отрицательных ролях. В диалоге с жизнью, которую чутко слышит актер, отвечая ей в полную меру душевных сил и творческих возможностей, открылось его стремление сыграть идеального героя, не примерно положительного с отдельными недостатками, а именно идеального, героя, воплощающего свет и природную устремленность человека к величью души без оговорок и компромиссов. Хочется верить, что такая роль впереди, тем более что об этом мечтает и сам актер.

В. СОМИНА

На снимке: актеры Ю. Овсянко и С. Гавлич в спектакле «Если иначе нельзя».

ШТРИХИ К ТВОРЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ

ДИАЛОГ С ЖИЗНЬЮ

но провести параллель. Юрий Овсянко — бравый солдат Швейк в спектакле Театра имени В. Ф. Комиссаржевской и он же — Мокиньпott в балаганном памфлете П. Вайса «О том, как господин Мокиньпott от своих злосчастий избавился» в Молодежном театре. Нелепая фигура Мокиньпotta в широченных клетчатых штанах внешне напоминает героя Я. Гашека. Он всюду неуместный, неприкаянный, никак не может взять в толк, почему сыплются на него несчастья, почему никакой логике не подчиняется поведение окружающих. Играет Овсянко мягко, не шаржируя, балаганность его не занимает, она вокруг героя, он вне ее. Взгляд Мокиньпotta — Овсянко сначала наивен в со-